

ХОРАС УОЛПОЛ И ЕГО
«СОМНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОРЯДКА
ОТНОСИТЕЛЬНО...» ВОЙН РОЗ

Аннотация: «Сомнения» Хораса Уолпола известны преимущественно в узком кругу историков-ричардианцев. На мой взгляд, значение этой книги недооценено. Увлекательный, живой, изящный и безупречно логичный текст не просто заслужил успех у широкой публики. За счет изменения характеристик главных героев Хорас Уолпол создал принципиально новый образ эпохи Войн Роз. Горбун, злодей и убийца Ричард III под его пером превратился в честнейшего человека, отличного короля и невинную жертву тюдоровской пропаганды. Блестящий Эдуард IV был описан как легкомысленный и жестокий государь, подготовивший гибель династии. Супругу Эдуарда IV Елизавету Вудвиль Уолпол обвинял в недальновидном вмешательстве в политику, стоившем трона её сыновьям. «Французскую волчицу» Маргариту Анжуйскую автор «Сомнений» не оправдывал, но не видел никакой разницы между ней и Эдуардом IV; на его взгляд, безжалостные государь и государыня стоили друг друга. Но самым темным вышел портрет основателя династии Тюдоров – тиран и «потомок бастардов», «ненавидимый» англичанами Генрих VII ничем не напоминал привычный лакированный образ короля-реформатора, сумевшего прекратить гражданскую войну. Оправдав отрицательных персонажей и раскритиковав положительных героев, Уолпол поставил под сомнение привычную картину конфликта; после публикации его книги тюдоровский миф утратил ореол непогрешимости, открылись возможности других трактовок¹.

Ключевые слова: Хорас Уолпол, Войны Роз, Ричард III, тюдоровский миф, историописание в Англии.

Об авторе: Елена Давыдовна Браун – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Школы актуальных гуманитарных исследований, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ. Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. braun-helen@yandex.ru

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАХиГС.

*«Историческая справедливость необходима
по отношению ко всем»².*

Хорас Уолпол (1717–1797 гг.) был признанным законодателем мод. Его «Замок Отранто» вызывал восторг и ужас читателей; резиденцию писателя в Струберри Хилл буквально осаждали туристы и с удовольствием копировали многие британские аристократы. На долю единственного исторического сочинения Уолпола («Сомнения исторического порядка относительно жизни и правления короля Ричарда III») выпал не меньший успех. Книгу яростно критиковали профессионалы, ей зачитывались студенты; без упоминания об Уолполе не обходилась ни одна работа об истории XV в. На мой взгляд, влияние «Сомнений» на формирование исторической памяти о Войнах Роз недооценено. Считается, что Уолпол положил начало реабилитации Ричарда III [23:156], что само по себе немало. Рискну предположить, что запущенный им процесс был более масштабным.

Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть эту гипотезу, следует, прежде всего, поместить книгу Уолпола в более широкий контекст. Хотя исследованию жизненного пути, творчества и интеллектуального наследия Хораса Уолпола посвящено немало работ [18; 24; 9] его «Сомнения» анализировались исключительно как часть процесса оправдания Ричарда III [23; 21; 12]. Это вполне естественно, если учесть, что Уолпол не имел намерения писать классическую биографию. Из-под его пера вышло нечто вроде исторического расследования, в котором пункт за пунктом разбирались и опровергались обвинения, выдвинутые против Ричарда III ещё в эпоху Тюдоров. И всё же, невзирая на монопольность текста, читатели неизбежно воспринимали «Сомнения» как целое, находили в

² Эти слова Уолпола могли бы стать прекрасным эпиграфом и к его книге о Ричарде III, и к этой статье // Walpole H. Historic doubts on the life and reign of King Richard the Third. London: Printed for J. Dodsley in Pell-Mall, 1768.

них информацию не только о последнем короле из династии Йорков, но и обо всей эпохе Войн Роз.

Давайте проанализируем историографический фундамент работы Хораса Уолпола. Как известно, миф о Войнах Роз сформировался в XVI в. благодаря сознательным усилиям придворных историков и пропагандистов. В рамках указанной мифологемы конфликт Йорков и Ланкастеров трактовался как самое ужасное и кровавое время в истории Англии, непрерывная череда братоубийственных усобиц и смут. Словосочетание «Войны Роз» ещё не использовалось, но уже к середине XVI в. розы воспринимались как символы «партий» Ланкастеров и Йорков. Предполагалось, что основной пружиной конфликта была борьба за престол, спровоцированная свержением законного короля Ричарда II (1377–1399 гг.). В ренессансной историографии было принято осмысливать прошлое как «драму героев», поэтому имеет смысл обозначить «амплуа» основных персонажей. Главным злодеем считался узурпатор и детоубийца Ричард III, которого Шекспир называл «уродом, горбатым телом и душой» [7: Part II, Act V, Scene 1]. Почетное второе место занимала супруга Генриха VI Ланкастера Маргарита Анжуйская – властолюбивая, неумная женщина, чье вмешательство в политику привело к вспышке гражданских войн. Герцога Ричарда Йорка, Эдуарда IV Йорка и Создателя Королей Уорика можно назвать героями в полном смысле слова; считалось, что они были храбры, умны и благородны, заботились об общем благе и действовали справедливо [10:135-152].

Принято считать, что шекспировская трактовка Войн Роз продержалась до второй половины XIX в. На мой взгляд, эта точка зрения обусловлена, прежде всего, состоянием изученности темы. Трансформация восприятия борьбы Йорков и Ланкастеров описана крайне неравномерно. Значительное количество исследований посвящено отдельным аспектам формирования тюдоровского мифа [19; 23; 13]; взгляды историков XV–начала XVI в. также изучены с достаточной полнотой, а вот XVII–XVIII сто-

летия попросту выпали из поля зрения исследователей. На эту тему не написано ни одной специальной работы, и даже авторы обобщающих исследований от анализа тюдоровского мифа сразу переходят к периоду становления истории как науки. В частности, в классической монографии А. Поллард историография XVII–XVIII вв. занимает всего половину абзаца [22:14-15].

Попытаемся рассмотреть этот темный, малоизученный период и выяснить, что лежало между «Историческими хрониками» Шекспира и текстом Хораса Уолпола. Разумеется, историки XVII в. уделяли Войнам Роз куда меньше внимания, чем их предшественники. Сменилась королевская династия: вместо Тюдоров, крайне заинтересованных в комплиментарной для них трактовке конфликта, на троне оказались Стюарты, для которых противостояние Йорков и Ланкастеров было уже гораздо менее значимым. Неудивительно, что интересующая нас тема оказалась на периферии исторических изысканий; в XVII в. о Войнах Роз писали мало. Есть ещё одно обстоятельство, которое необходимо подчеркнуть. Рассказывая о Войнах Роз, историки XVII–XVIII вв. опирались преимущественно на документы XVI столетия. Одной из причин было преклонение перед авторами тюдоровской эпохи; Томас Мор, Эдуард Холл, Рафаил Холинshed пользовались заслуженным уважением потомков, их сочинения во многом выводились из зоны критики. Кроме того, печатные книги XVI в. были куда доступнее рукописей предыдущего столетия (и в силу куда больших тиражей, и текстуально). Неудивительно, что тюдоровский миф, что называется, задавал тон в исторических исследованиях.

Разумеется, о полном следовании «канону» речь не шла. Одной из немногих книг, посвященных непосредственно конфликту Йорков и Ланкастеров, стала «История гражданских войн в Англии» итальянского дипломата, писателя и историка Франческо Бьонди, написанная в 1637–1644 гг. Бьонди не раз выполнял дипломатические поручения Карла I, был его самым горячим сторонником и посвятил коро-

лю свой труд. В Англии работа Бьонди пришлась настолько ко двору, что была переведена еще в рукописи и издана на три года раньше, чем в Италии [23:173]. При помощи наглядных исторических примеров Бьонди стремился продемонстрировать все бедствия, которые обрушиваются на страну, жители которой осмелились поднять мятеж против законного монарха. В «Истории» Генрих VI превратился в «святого страдальца» [1:(1, Part 2): 2-3], этот король не раз завуалированно сравнивался с Карлом I. Йорки, напротив, рассматривались как бесчестные властолюбцы [Ibid.: 160-161]. Любопытно, что основным источником Бьонди стала малопопулярная в Британии работа Полидора Вергилия, который не только был соотечественником Бьонди, но и имел абсолютно аналогичные политические предпочтения (Вергилий поносил Йорков и прославлял Ланкастеров).

Нельзя не заметить, что проланкастерские симпатии Бьонди на общем фоне выглядели несколько экзотично. Подавляющее большинство авторов следовало в русле исторической традиции второй половины XVI в., симпатизировавшей Йоркам гораздо больше, чем Ланкастерам. В качестве наиболее яркого примера можно привести «Историю Эдуарда Четвертого, короля Англии» Томаса Хабингтона (1560–1647 гг.). Для Хабингтона Эдуард IV был политическим идеалом; во многом эта симпатия была обусловлена религиозными предпочтениями историка – тот был католиком, и даже участвовал в заговоре против Елизаветы I в пользу Марии Стюарт, что едва не стоило ему жизни. Неудивительно, что Хабингтон откровенно недолюбливал Тюдоров, и, соответственно, идеализировал предыдущую династию, точнее правление короля Эдуарда. Своего героя Хабингтон описал в самых лучших, даже восторженных выражениях. Зато Ричард III был показан полным антиподом старшего брата: это злодей, узурпатор, предатель, подлец и убийца. Единственным отклонением от канона является описание смерти Генриха VI Ланкастера. Тюдоровская традиция приписывала это преступление Ричарду Глостеру, однако, Хабингтон не верил, что Ричард

мог своими руками убить престарелого короля [5:103-104]. Любопытно, что в данном случае сомневаться в вине Ричарда III Хабингтона заставили не новые научные данные, а логические выкладки. Впоследствии этот же прием анализа применит и Хорас Уолпол.

Пройоркская версия конфликта нашла отражение и в «Общей истории Англии» Томаса Карта [3]. Интересным является сужение хронологических рамок противостояния Йорков и Ланкастеров (1450–1485 гг.). То есть эпоха политических неурядиц начиналась не с узурпации 1399 г., а с потери территорий во Франции и восстания Джека Кэда. Также необходимо отметить, что второй том «Истории» Т. Карта заканчивается несколько нетрадиционно – смертью Генриха VII. Таким образом, правление первого монарха из династии Тюдоров трактовалось как переходный период. Кроме того, весь век Войн Роз Карт описал куда спокойнее, чем это было принято делать в XVII столетии – как череду прискорбных, но отнюдь не катастрофических неурядиц. Думается, главной причиной спада эмоционального накала послужило увеличение исторической дистанции. Для авторов XVIII в. было очевидно, что политические катаклизмы времен английской революции оказались куда более разрушительными, чем конфликт второй половины XV столетия.

Даже при беглой характеристике исторических сочинений XVII–XVIII вв. нельзя пройти мимо «Истории Англии» Дэвида Юма. Юм не считался маститым историком, даже сейчас он известен в первую очередь как философ, зато широкая публика оценила его труд очень высоко. В освещении борьбы Йорков и Ланкастеров Юм во многом совпадал с Картом, но привнес и несколько новаций. Прежде всего стоит отметить, что именно в «Истории Англии» впервые появилось ставшее впоследствии общеупотребительным словосочетание «Войны Роз». Юм писал: «...эти гражданские войны были известны во всей Европе как война двух роз» [6:Vol 2, 456]. Также хотелось бы обратить внимание на несколько иную расстановку акцентов. Генриха VI

Юм описал как полностью несамостоятельного короля, зато супруга безумного монарха предстала в более выгодном свете. Радикальной переоценки не произошло, в «Истории Англии» Маргарита Анжуйская осталась чрезмерно властной и жесткой особой, однако Юм подчеркивал, что ее вмешательство в политику было вынужденной реакцией на происходящее; королеву во многом оправдывало то, что она боролась за права мужа и сына [Ibid: 396-397].

От Юма, в общем-то можно перейти к Хорасу Уолполу (хронологически их сочинения очень близки), но, на мой взгляд, стоит сказать несколько слов о репутации главного героя книги Уолпола – Ричарда III. Именно о репутации, ведь в трудах признанных историков личность и правление этого короля освещались более, чем однообразно – в духе «Истории Ричарда III» Томаса Мора. В течение XVII–XVIII вв. труд Мора считался эталонным историческим источником. Нельзя сказать, что этот текст вообще никто не ставил под сомнение. Ещё в начале XVII в. антиквар Джордж Бак написал сенсационную «Историю Ричарда III» (опубликована она была уже после смерти автора, в 1647 г.). Бак считал Ричарда III идеальным королем и прекрасным человеком, не виновным ни в смерти тауэрских принцев, ни в каких бы то ни было иных преступлениях. Об «Истории» Мора Бак отзывался в высшей степени скептически. По его мнению, значительная часть текста была написана злейшим врагом Ричарда III – епископом Мортонем и являлась не более чем злобным вымыслом, попыткой свести политические счёты [2:52-54]. Однако, эта гипотеза, что называется, не прижилась. Книгу Бака даже не раскритиковали, в основном её просто проигнорировали, а если упоминали, то без малейшего почтения. Типичным примером можно считать едкий абзац «Церковной истории Британии» Томаса Фулера: «Один современный автор [Джордж Бак, Фулер даже не считал нужным назвать его имя] в недавно изданной книге исправил его [Ричарда III] внешность... превратив его в обычного и даже красивого человека; не

остановившись на этом, он [Бак] перешел от внешнего облика к его душевным качествам и сделал его [Ричарда] столь же доблестным, сколь и красивым» [4:197]. По мнению епископа Фуллера, Бак обращался с документами недопустимо вольно, вследствие чего всё написанное им не заслуживало доверия.

Итак, в историографии тюдоровский миф о короле-злодее оставался более чем актуальным, но это не значит, что все англичане продолжали считать Ричарда монстром. Если проанализировать визуальные источники (например, гравюры и книжные иллюстрации), картина оказывается несколько иной. Важно помнить – в интересующей нас темной легенде внешность короля играла значимую роль: она служила зримым воплощением его черной, злодейской души. На гравюрах XVII–XVIII вв. тело и лицо Ричарда III пережили ряд удивительных трансформаций. Визуальный образ последнего короля из династии Йорков реконструировался в моих предыдущих исследованиях [11], поэтому в данном случае можно ограничиться результирующей частью. В начале XVII в. авторы книжных иллюстраций, по-видимому, воспринимали Ричарда III даже более негативно, чем историки. На гравюрах этого периода не только можно заметить все приписанные Ричарду телесные дефекты (горб, неравную высоту плеч, высохшую левую руку), художники добавили ещё одну, принципиально новую черту. Они увеличили видимый возраст короля, по-видимому, для того чтобы его жизнь смогла вместить все приписываемые Ричарду преступления.

Если обратиться к количественным данным по гравюрам XVII в., получится, что из 9 оттисков из фондах Национальной портретной галереи два изображают физически здорового мужчину. В собрании Британского музея из 19 оттисков на шести Ричард имеет обычную фигуру, и на двух то ли незначительное неравенство плеч, то ли небольшой кифоз. Т.е. примерно в 30 % случаев гравёры предпочитали не фиксировать физические недостатки монарха, и еще в 7 % изображать сильно смягченную картину. Безус-

ловно, эти 37% не равнозначны реабилитации. Художники рисовали Ричарда очень по-разному – и с круглым лицом, и с вытянутым, и широкоплечим, и субтильным. Можно с уверенностью утверждать – граверы, во-первых, далеко не всегда имели в распоряжении некий образец (например, один из портретов т.н. галерейных серий, которых в Англии насчитывались десятки), и, во-вторых, вряд ли были хорошо знакомы с историей Войн Роз. То есть некоторое смягчение визуального ряда отчасти объясняется деактуализацией образа короля, постепенно превращавшегося в одного из длинной череды британских монархов.

Любопытно, что в первой половине XVIII в. ситуация существенно изменилась к лучшему. В собрании Британского музея 26 гравюр указанного периода, причем горбатого короля можно увидеть только на пяти. В фондах Национальной портретной галереи к обозначенному периоду относятся 11 оттисков, из них лишь один «Ричард» имеет проблемы с плечевым поясом. Таким образом, уже 83 % художников рисовали короля с обычной, здоровой спиной. Также с гравюр полностью исчезли детали, указывавшие на незаконность власти Ричарда III и порочность его натуры – видимая дряхлость монарха и сломанный скипетр [11]. Ещё раз повторюсь, на основании гравюр мы не можем судить о целостном восприятии Ричарда III. И всё же, положительная динамика показывает, что к тому моменту, когда Хорас Уолпол взялся за перо, к Ричарду относились не в пример спокойнее, чем в эпоху Тюдоров. Его образ утратил гротескные черты, большинство англичан уже не воспринимало его как чудовище, воплощение злобы и тирании.

Основная заслуга Хораса Уолпола в том, что он попытался разобрать составляющие тюдоровского мифа, подвергнуть их критическому анализу. Важно помнить, что признанные историки в этом отношении оказались крайне инертны: никто из них не занимался углублённым изучением истории XV в.; от критики их удерживало и благоговение перед авторитетом создателей тюдоровской легенды.

Любопытно, что Уолпол начал свою книгу не с XV в., а с беглого обзора предшествующих периодов истории. Этот очерк смело можно назвать критическим. Уолпол подчеркивал, что в истории Греции и Рима царит «сплошная неразбериха» [8:III]. Впрочем, и в прошлом Британии дела, по его мнению, обстояли не лучше. В Раннее Средневековье (Уолпол едко именовал этот период «варварскими монашескими веками» [8:VIII] церковь полностью контролировала историописание. Но даже позднее позитивной динамики не наблюдалось. Автор «Сомнений» с горечью восклицал: «Как сухо, как поверхностно, как лишено информации! Как мало записано, кроме сражений, эпидемий и религиозных устоев!» [8:IX]. Скептически Уолпол отзывался и о средневековых хрониках: «От завоевания до правления Генриха Восьмого трудно обнаружить в наших писателях какую-либо красоту, кроме их простоты» [8:VIII]. Думается, острый, полемический характер введения усилил негативное впечатление, которое книга Уолпола произвела на историков-профессионалов.

При анализе исторических взглядов Уолпола вопрос о его отношении к источникам является основным. Напомню, что в то время считалось вполне нормальным изучать конфликт Йорков и Ланкастеров по текстам XVI в. Уолпол был убежден, что это – порочная практика. Он сетовал на почти полное отсутствие современных событиям текстов (исследователи открыли для себя хроники середины–третьей четверти XV в. лишь в XIX столетии), но по мере сил пытался восполнить этот пробел. Хорас Уолпол обратился к парламентским документам, читал рассказы о коронации Ричарда III, «Историю» Джона Роуза и «Мемуары» Филиппа де Коммина. Необходимо подчеркнуть, об исторических сочинениях времен Тюдоров автор «Сомнений» писал с исключительной неприязнью: «эти полные сплетен рассказы не заслуживают доверия» т.к. их авторы были «безмерно пристрастны» [8:10]. Общеизвестно, что называется, рабочая схема анализа истории XV в. ставилась под сомнение.

В частности, о Кройлендской хронике Уолпол отзывался в высшей степени критически, указывая, во-первых, на клерикальный характер текста (с точки зрения Уолпола это серьезнейший недостаток, разнзначный необъективности и слабой образованности автора),³ а также на стремление хрониста угодить Генриху VII «монах... посвятил ему свою работу и льстил изо всех своих слабых сил». [8:110].

Отдельного упоминания заслуживает трактовка «Истории Ричарда III» Томаса Мора. С одной стороны, недостоверность текста для Уолпола была очевидна; с другой – он не мог не восхищаться гением великого гуманиста. В высшей степени любопытно, что, поразмыслив над этим противоречием, Уолпол пришел практически к тому же выводу, что и современные исследователи. «Я полагаю, истина заключается в том, что сэр Томас написал свой рассказ о царствовании Эдуарда Пятого так же, как он писал свою «Утопию» – чтобы развлечься на досуге и поупражняться в фантазии. Он взял невзрачный холст и вышил на нем прихотливый узор цветами, подсказанными его воображением» [8: 19], иными словами, Мор не имел намерения написать правдивую историю, он очень многое домислил или просто придумал. Это утверждение расходится с позицией историков XXI в. только в одном – сейчас принято считать, что Томас Мор не просто «фантазировал», он стремился предостеречь современников, раскрыв им все ужасы тирании [22:10-12].

Важно отметить, Уолпол раскритиковал не только источники тюдоровской эпохи, но и опиравшихся на них историков. Цитирую: «Современники виновны только в одном, они приняли на веру то, что им следовало бы изучить более тщательно, поскольку авторы, которых они копировали, все были принадлежали к одной стороне в этой яростной политической борьбе. Но не может быть никакого оправдания авторам, которые, как я полагаю, нарушили

³ В частности, Уолпол упрекал Кройлендского хрониста в плохом знании латыни, отмечая, что «монахи вообще не сильны в грамматике» [8:8]

все правила правдивого [историописания]... наши историки – слепые поводыри» [8:ХІІ-ХІІІ, 21]. Это было решительное заявление, и, конечно, «слепцам» оно пришлось не по вкусу.

С другой стороны, Уолпол был бесконечно далек от того, чтобы провозгласить себя носителем истины в последней инстанции. Он всего лишь делился с читателями плодами своих размышлений, для него это была попытка «удовлетворить своё любопытство и игра ума», и «если кто-нибудь, столь же праздный как я, возьмет на себя труд проанализировать и взвесить мои аргументы, я готов уступить более веским доводам» [8:ХV]. Аналитический компонент здесь принципиально важен, не случайно «Сомнения» считают ярким образцом исторического сочинения эпохи Просвещения [15:53]. В данном случае аналитика произвела настоящий интеллектуальный переворот: Уолпол пришел к совершенно иным выводам практически на том же источниковом материале, что и его современники. Иными словами, главным недостатком своих коллег-историков Уолпол считал отказ от критики источников, а скорее нежелание замечать их политическую ангажированность, и пренебрежение доводами рассудка. Согласитесь, оба обвинения крайне обидны и вполне могли спровоцировать ответную реакцию.

Давайте чуть глубже разберемся, что нового Уолпол предлагал в плане работы с источниками. Опровержение первого же приписываемого Ричарду III преступления (якобы совершенного им убийства принца Эдуарда Ланкастера) построено на строгой логической основе. Уолпол расположил свидетельства о битве при Тьюксбери⁴ в хронологическом порядке, и получил удивительную картину – выяснилось, что рассказ о гибели принца постепенно обогащался деталями, которые становились все более живыми, всё больше эмоционально затрагивали читателей. В частности, Эдуард Холл в 1542 г. якобы «знал» о сраже-

⁴ Принц Эдцурд погиб либо в ходе сражения, либо сразу же после него.

нии при Тьюксбери на порядок больше, чем автор Кройлендской хроники в 1486-м [8:4-7] Эта апелляция к здравому смыслу производила исключительно сильное впечатление, аргументация Уолпола заставляла читателей задумываться и соглашаться с его доводами.

Полагаю, именно безупречная логичность, четко выстроенная композиция книги стала главной причиной её популярности. Уже на третьей странице Уолпол анонсировал: «Я приведу весь список вменяемых Ричарду преступлений; я укажу основания, на которых зиждились обвинения; я дам достоверный отчет обо всех обвинявших его историках; затем я рассмотрю обстоятельства каждого преступления и все доказательства; и, наконец, продемонстрирую, что некоторые из преступлений противоречили интересам Ричарда, что почти всегда есть логические противоречия или несовпадения в датах» [8:3]. В основной части Уолпол методично следовал этому плану, разбирая обвинения пункт за пунктом, и даже в заключении не нарушил стройность картины, изложив выводы в таком же строгом порядке. Не могу не отметить – авторам исторических сочинений редко удается так четко выстроить текст, уникальная выверенность в сочетании со спокойной разумностью аргументов производят почти гипнотическое впечатление.

Взгляды Уолпола на личность и правление Ричарда III изучены с достаточной полнотой, в том числе в отечественной историографии [23; 13; 12], поэтому ещё раз рассматривать этот материал нет необходимости. Вполне достаточно перечислить, какие именно вопросы затронул Хорас Уолпол и вкратце воспроизвести его выводы. Итак, Уолпол разобрал следующие обвинения: убийство Эдуарда, принца Уэльского, сына Генриха Шестого; убийство Генриха Шестого; убийство родного брата Ричарда – Джорджа, герцога Кларенса; несправедливая казнь сторонников Вудвиллов – Риверса, Грея и Вогана; казнь лорда Гастингса; убийство Эдуарда Пятого и его брата; убийство собственной королевы; намерение жениться на племяннице; пре-

следование фаворитки Эдуарда IV Джейн Шор; уродство Ричарда III [8:3]. Уолпол пришел к выводу, что Ричард не имел отношения к смерти принца Эдуарда Ланкастера (эта информация появляется только в хрониках середины XVI в.), не убивал Генриха VI (обвинение он считал неправдоподобным и само преступление было невыгодно герцогу Глостеру). К убийству своего среднего брата Джорджа Ричард также не имел отношения; это были происки супруги Эдуарда IV Елизаветы Вудвилл, а главным выгодоприобретателем выступал вовсе не Ричард Глостер, а, опять-таки, Эдуард IV. Казнь Риверса, Грея и Вогана, с точки зрения Уолпола, нельзя поставить Ричарду III в вину, поскольку это было обычной практикой политической борьбы, более того, другие монархи рубили головы куда чаще [8:30-31].

Выкладки Уолпола в отношении казни лорда Гастингса заслуживают отдельного упоминания. Здесь автор «Сомнений» целиком положился на логику. Он подчеркивал, что между Ричардом Глостером и Уильямом Гастингсом не было вражды, напротив, они были в очень хороших, дружеских отношениях. Соответственно, это распоряжение можно рассматривать только как вынужденную меру, и если Ричард всё же решился казнить близкого ему, достойного человека, значит существовала серьезная причина [8:31-33]. Примерно по той же схеме Уолпол проанализировал обстоятельства исчезновения Эдуарда V и его брата. Логика автора «Сомнений» в данном случае безупречна. Главной уязвимостью является слабомотивированное предположение, что Ричард III собирался вернуть трон Эдуарду V после полного совершеннолетия короля, т.е. по достижении им двадцати одного года [8:64-65]. Столь же малообоснованным выглядит утверждение, что смерть племянников была невыгодна Ричарду III, и что, если король милостиво обращался с сыном своего среднего брата герцога Кларенса, то должен был столь же благосклонно отнестись и к сыновьям Эдуарда IV [8:63-64]. Создается впечатление, что в данном случае Уолпол оправдывал Ричарда III скорее из симпатии к своему герою. Итого-

вый вывод оказался несколько неожиданным. По мнению Уолпола, старший принц был убит уже в правление Генриха VII, а младший выжил, чтобы затем попытаться вернуть себе трон, именно он известен историкам как самозванец Перкин Уорбек.

Двинемся дальше по списку обвинений. Свою жену Ричард III не травил, и на племяннице жениться не намеревался, поскольку не запрашивал у папы соответствующее разрешение на брак. Впрочем, Уолпол допускал, что Ричард мог поддерживать в девушке и в её матери Елизавете Вудвилл такую уверенность по политическим мотивам — чтобы они не переориентировались на союз с Генрихом Тюдором или другим невыгодным Ричарду претендентом. Кроме того, Ричард III не предпринимал репрессий в отношении любовницы покойного Эдуарда IV куртизанки Джейн Шор (церковное покаяние, к которому её приговорили, на взгляд Уолпола, было целиком инициативой церкви). Наконец, Ричард не был уродом, исходя из современных его царствованию источников, король не отличался какими-то особенностями внешности, за исключением неравной высоты плеч [8:130-133].

Итак, в глазах Уолпола Ричард III был полностью оправдан. Напомню, что в «Исторических хрониках» Шекспира Ричард являлся главной движущей силой конфликта, именно он убедил своего отца Ричарда Йорка начать мятеж против Генриха VI, он одного за другим убирал с дороги претендентов на корону, чем провоцировал всё новые обострения политической борьбы, участвовал во всех битвах Войн Роз, наконец, сам конфликт закончился только с его смертью. В рамках этой схемы Ричард был живым воплощением распри. Его реабилитация неизбежно ставила под сомнение всю картину борьбы Йорков и Ланкастеров.

Давайте разберемся, как Уолпол оценивал других политических игроков и эпоху Войн Роз в целом. На первый взгляд, нарисованное им полотно выглядело вполне традиционно. Подобно другим историкам XVII–XVIII вв. Уолпол сетовал на творившиеся в Англии беззакония: «не

только пэры, захваченные в бою, были преданы смерти без суда и следствия; но и тот, кто, хотя бы и не с оружием в руках был взят в плен победившей стороной, подвергся той же участи» [8:30]. Осуждению подверглась и аморальность конфликта: «в этот кровавый век... ни одной из сторон, по-видимому, не были свойственны угрызения совести: йоркисты и сторонники Ланкастеров, Эдуард и Маргарита Анжуйская ввязывались в любую свару, давали любые клятвы, нарушали их и предавались мести после каждой победы или поражения» [8:4]. И здесь мы уже сталкиваемся с новацией. Среди историков Маргарита Анжуйская давно имела скверную репутацию, а вот об Эдуарде IV принято было писать в комплиментарном духе. В «Сомнениях» этот король оказался своеобразным «партнером» жестокой супруги Генриха VI.

Началом конфликта для Уолпола, так же как и для историков XVI в., являлась узурпация 1399 г. В этом отношении «Сомнения» даже несколько отставали от историографической нормы середины XVIII столетия. Уолпол писал: «Генрих Четвертый вззошел на трон вопреки всякой справедливости. Столь ущербный титул открыл путь для новых попыток [смены власти]; а различные новшества, введенные в последние годы правления Генриха Шестого, уничтожили все представления о порядке» [8:30]. Казалось бы, правление Ланкастеров в «Сомнениях» предстает сплошной чередой беспорядков, однако Уолпол далек от безоговорочного осуждения этой династии; Генрих VI в его сочинении – это «святой король, обожаемый народом» [8:10]. Вышеприведенное утверждение близко к концепции тюдоровской историографии и расходится с характерным для большинства историков XVII–XVIII вв. пренебрежением к Генриху VI [3: Vol 2: 724, 746; 6: Vol 2, 426-427].

Нельзя не отметить – Уолпол иначе, чем его современники, оценивал династические права Ричарда Йорка. Речь не о признании их справедливости (это как раз было общим местом), а о педалировании роли парламента: «Ричард, герцог Йоркский, был объявлен наследником короны при

жизни Генриха и его сына принца Эдуарда и, как следует из парламентской истории, не замеченной нашими нерадивыми историками (*careless historians*)⁵, был даже назначен принцем Уэльским» [8:30]. По-видимому, для Уолпола соответствующий парламентский акт имел принципиальное значение, он полностью легализовал притязания Йорков на корону и сделал их законными, избранными народом государями.

Неудивительно, что Уолпол был уверен и в справедливости династических требований Эдуарда IV. «Эдуард Четвертый, несомненно, имел наследственное право на корону, которой он добивался с необычайной храбростью и ловкостью, со всем искусством политика и жестокостью завоевателя» [8:4]. Но, как уже отмечалось выше, образ Эдуарда IV в «Сомнениях» далек от привычной для XVIII в. благой картинки. Уолпол критиковал этого короля за: «жестокость и пороки (*cruelty and vices*)» [8:8], убийства принца Эдуарда Ланкастера и Генриха VI (обычно оба эти преступления перекладывали на Ричарда Глостера, оставляя Эдуарда IV как бы за кадром). Осуждение опрометчивого брака Эдуарда IV и последовавшего за ним разрыва с Ричардом Уориком было вполне типичным, но Уолпол пошел дальше коллег. Он подчеркивал малоосмысленное матримониальное поведение Эдуарда, был уверен, что ещё до тайной свадьбы с Елизаветой Вудвилл король заключил помолвку с леди Элеонор Батлер (это обвинение восходило к царствованию Ричарда III и успешно замалчивалось тюдоровской историографией), т.е. дети Эдуарда IV и Елизаветы Вудвилл являлись самыми настоящими бастардами [8:40]. Уолпол осмелился публично озвучить неудобную правду – Эдуард IV сам привел своих детей на плаху, переворот 1483 г. стал естественным результатом его неумеренного сластолюбия [8:44-45]. Итак, для Хораса Уолпола Эдуард IV – это искусный политик, одаренный полководец,

⁵ Обратим внимание на ещё один упрек в адрес авторов исторических сочинений.

но одновременно и легкомысленный, недальновидный государь, своими руками подготовивший гибель династии.

Ещё более темным получился образ супруги Эдуарда IV Елизаветы Вудвилл. К ней у Уолпола гораздо больше претензий, чем у других историков XVIII в. Обычно Елизавету описывали более-менее комплиментарно (всё же она была тещей Генриха VII и, соответственно, бабушкой Генриха VIII), хотя историки признавали, что её брак с Эдуардом IV был не лучшим политическим решением, и что миссис Грей блестяще воспользовалась предоставленной ей возможностью [6: Vol 2. 464]. Что касается истории узурпации Ричарда III, то Елизавета традиционно изображалась жертвой коварства герцога Глостера. Для Уолпола дело обстояло иначе. Он полагал, что необоснованное вмешательство вдовствующей королевы в политику, её откровенно противоположное желание управлять страной от имени сына сделало государственный переворот неизбежным: «на каждом шагу мы обнаруживаем, как много она способствовала тому, чтобы навлечь беду на их [своих сыновей] головы, и на свою собственную» [8:26]. В «Сомнениях» Елизавета Вудвилл показана беспринципной женщиной, готовой буквально на все ради короны: «слабая и амбициозная... она хотела, чтобы на троне был кто-то из ее детей, чтобы восстановить свою собственную власть. Сначала она обручила свою дочь с Ричмондом, а затем с Ричардом» [8:96], т.е., потеряв сыновей, готова была продолжать политическую игру за счет дочери.

И, наконец, победившая сторона, т.е. Генрих VII. Уолпол смело можно назвать ричардианцем, неудивительно, что для портрета основателя династии Тюдоров он использовал самые темные краски. Династические права Генриха VII Уолпол считал «смехотворными» (ridiculous) [8:6]. Но это не единственное резкое выражение: «Сам Генрих был потомком бастардов и вообще не имел титула. Беспорядки возвели его на трон, и только брак с предполагаемой наследницей Йорков заставил нацию закрыть глаза на этот изъяз в его родословной» [8:77]. По мнению Уолпола, этот

государь «вызывал отвращение у нации... своей тиранией, жестокостью и поборами» [8:77], он казнил сына герцога Кларенса, завещал Генриху VIII избавиться от других претендентов на трон, по-видимому также повинен в смерти сыновей Эдуарда IV (старшего принца Генрих VII, скорее всего, застал живым и тайно предал смерти, младшего казнил как самозванца Перкина Уорбека).

Итак, Уолпол заметно скорректировал общую картину Войн Роз за счет изменения характеристик главных участников конфликта. Как же были восприняты эти новации? Среди читающей публики успех был потрясающий, о чем свидетельствует хотя бы история издания «Сомнений». Книга была напечатана в личной типографии Уолпола в Струобери-Хилл. Сначала было выпущено 250 экземпляров, но они разошлись за несколько дней, как горячие пирожки. Уолпол решил напечатать ещё тысячу копий, но и это не удовлетворило читательский спрос – в том же 1768 г. «Сомнения» были переизданы в Лондоне и Дублине. Через два года (1770) был выпущен новый тираж. Необходимо подчеркнуть, интерес к творению Уолпола не ослабевал, книга переиздавалась в 1798, 1822, 1860, 1974, 1987, 2009, 2010, 2012, 2014 и 2018 гг. Копию «Сомнений» желал получить Вольтер и, по-видимому, экземпляр был ему отправлен. На Людовика XVI книга Уолола произвела настолько сильное впечатление, что в 1782 г. он лично перевел её на французский язык, правда издан французский перевод был позже, в 1800 г. Любопытно, что даже ярые консерваторы от истории, например Джеймс Гарднер, признавались, что в молодости буквально зачитывались «Сомнениями». [16:VII].

Реакция сообщества историков была совершенно иной. Необходимо отметить критические отзывы Э. Гиббона и Д. Юма [23:156], а также публикацию в печатном органе Общества антикваров «*Archaeologia*» за 1771 и 1773 гг. настолько резких откликов, что Уолпол счел необходимым выйти из состава этой организации. Объектом нападок стали и отношение автора «Сомнений» к источникам, и то,

что Уолпол излишне полагался не на источники, а на доводы рассудка [17:71-73]. Это неприятие явилось следствием не только уязвимостей текста Уолпола, но и его очевидно критического отношения к предыдущей историографии. Объявив других историков «слепцами», уличив их в пристрастности и неумении работать с источниками, стоило ожидать, что они вступятся «за честь мундира».

Безусловно, Уолполу не удалось изменить историографическую норму, но всё же значение его книги огромно. Увлекательный, живой, изящный и безупречно логичный текст не просто завоевал сердца широкой публики, он заронил «Сомнения» в достоверности традиционного взгляда на Войны Роз. Привычный образ конфликта перестал казаться чем-то очевидным, он начал расплываться, открывая дорогу возможностям иных трактовок. В заключение отмечу, несколько важных, на мой взгляд, обстоятельств. Мне не удалось найти ни одной гравюры с изображением горбатого Ричарда III, выполненной после публикации «Сомнений». Предложенная Уолполом оценка личности и правления Эдуарда IV очень близка к позиции историков XIX в. Намеченное в «Сомнениях» смягчение образа Маргариты Анжуйской в XIX в. стало очевидным. Осуждение политической роли Елизаветы Вудвилл в XIX в. также стало «общим местом». Наконец, книга Уолпола послужила основой для работ ричардианцев XIX в. и подготовила их к резкой критике. В частности, самый известный защитник Ричарда III Маркхем Клементс был готов получить столь же резкую реакцию оппонентов [23:219]. Правда, историкам сэру Клементс оказался, что называет, не по зубам. Прославленный исследователь Арктики и Антарктики с азартом окупнулся в полемику, опубликовал несколько исключительно едких статей [например, 14], по мнению историков, оставил за собой моральную победу [23:220]. В конечном счете это же можно сказать и о Хорасе Уолполе; «Сомнения» предвосхитили многие научные открытия, исследователям вопроса остается лишь восхищаться тем, как полагаясь на столь ограниченный круг источников,

Уолполу удалось прийти к точным, вполне современно звучащим выводам. Мне кажется, что главный урок, который мы можем извлечь из «Сомнений» – это необходимость логической критики текстов как одного из основных приемов источниковедческого анализа.

Литература

1. *Biondi F., Sir.* An history of the civill warres of England, betweene the two Houses of Lancaster and Yorke: In 2 vols. London: T. H. and I. D. for John Benton, 1641.
2. *Buck G., Sir.* The history of the life and reign of Richard III. London: Printed by W. Wilson, 1647.
3. *Carte T.* General history of England: In 4 vols. London: Printed for the AUTHOR at his house in Dean's Yard, Westminster, 1750.
4. *Fuller T.* The church-history of Britain from the birth of Jesus Christ until the year M.DC.XLVIII endeavoured by Thomas Fuller. L., 1655. 1640
5. *Habington W.* The Historie of Edward the Fourth, King of England. L., 1640.
6. *Hume D.* The history of England from the invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688: In 6 vols. Indianapolis: Liberty Fund, 1983.
7. *Shakespeare W.* Henry VI / Ed. M. Hattevey. Cambridge, 1993.
8. Walpole H. Historic doubts on the life and reign of King Richard the Third. London: Printed for J. Dodsley in Pell-Mall, 1768.
9. *Айзенштадт М. П.* Хорас Уолпол: политик, антикварий, писатель // Электронный научно- образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 1 (99). Электронный ресурс. Режим доступа <https://history.jes.su/s207987840013540-3-1/> свободный.
10. *Браун Е. Д.* Войны Роз: История. Мифология. Историография. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
11. *Браун Е.Д.* Ричард III в историографии, гравюрах и книжной миниатюре XVII–XVIII вв.: конфликт образов // Память и идентичность – III. Историк и его аудитория. М, 2021. С. 164–183.
12. *Креленко Н.С.* «Исторические сомнения» Х. Уолпола в характеристике Ричарда III // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер.

- История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 337-343.
13. *Carson A.* Richard III – A small guide to the great debate. Leicester: Troubador Publishing Ltd, 2018.
 14. *Clements M.* Richard III: A Doubtful Verdict Reviewed // *English Historical Review*. April 1891. P. 251-296.
 15. *Coykendall A.* Chance Enlightenments, Choice Superstitions: Walpole's Historic Doubts and Enlightenment Historicism // *The Eighteenth Century*. Vol. 54, No. 1 (SPRING 2013). University of Pennsylvania Press. P. 53-70.
 16. *Gardner J.* History of the Life and Reign of Richard the Third to which is added the story of Perkin Warbesk. Cambridge, 1898.
 17. *Hazen A. T.* A Bibliography Of Horace Walpole. New Haven–London, 1948. Publisher Yale University Press. Электронный ресурс. Режим доступа <https://archive.org/details/bibliographyofho013028mbp/page/n77/mode/2up?view=theater> свободный.
 18. *Ketton-Cremer R.* Horace Walpole: a Biography. London: Methuen, 1964.
 19. *Levy F. J.* Tudor historical thought. San Marino: The Huntington Library, 1967.
 20. *Mowl T.* Horace Walpole: the great outsider. L.: Murray, 1996.
 21. *Pollard A. J.* Richard III and the Princes in the Tower. Stroud: Alan Sutton, 1991.
 22. *Pollard A. J.* The Wars of the Roses. New York: Palgrave Macmillan, 2013.
 23. *Potter J.* Good King Richard? An account of Richard III and his reputation, 1483–1983. London: Constable and Company Ltd, 1983.
 24. *Sabor P.* Horace Walpole. The Critical Heritage. L., 2013.